

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222
EDN: LENHNL

ПШИКАН ШЕКИХАЧЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ХАЗЕШИ ШОГЕНОВА

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В работе впервые публикуются воспоминания одного из представителей первого поколения советских педагогов, знатока и собирателя адыгского фольклора Хазеши Шогенова о его друге, поэте и драматурге Пшикане Шекихачеве. Воспоминания приводятся в переводе на русский язык и предваряются рядом комментариев. В частности, с опорой на архивные данные кратко излагается биография самого автора воспоминаний. Выявляются смысловые акценты, обусловленные необходимостью соответствия идеологическим ожиданиям времени, в которое Х. Шогенов зафиксировал свои воспоминания, ввиду этого – вскрываются стереотипы, закрепившиеся в оценках мировоззренческих установок П. Шекихачева. Уточняются некоторые имена и детали, касающиеся времени пребывания П. Шекихачева и Х. Шогенова в Дагестане. Показанный Х. Шогеновым образ сопоставляется с характеристиками, оставленными другими современниками П. Шекихачева.

Ключевые слова: Пшикан Шекихачев, Хазеша Шогенов, воспоминания, биография, убеждения, ислам, ценности, творчество, идеологический стереотип.

Для цитирования: Кажарова И.А. Пшикан Шекихачев в воспоминаниях Хазеши Шогенова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 199-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222. EDN: LENHNL.

© Кажарова И.А., 2023

Original article

PSHIKAN SHEKIKHACHEV IN HIS MEMOIRS KHAZESHA SHOGENOV

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. This work publishes for the first time the memoirs of representatives of first generation Soviet teachers, an expert and collector of Adyghe folklore Khazesha Shogenov about his friend, poet and playwright Pshikan Shekikhachev. The memoirs are translated into Russian and are preceded by several comments. In particular, based on archival data, the biography of the author of the memoirs is summarized. Semantic accents are revealed due to the need to meet the ideological expectations of that time period in which Kh. Shogenov recorded his memories, and regarding this, stereotypes are revealed, fixed in the assessments of P. Shekikhachev's ideological attitudes. Some

names and details concerning the time of stay of P. Shekikhachev and Kh. Shogenov in Dagestan are being clarified. Described by Kh. Shogenov compares the image with the characteristics left by other contemporaries of P. Shekikhachev.

Keywords: Pshikan Shekikhachev, Khamisha Shogenov, memories, biography, beliefs, Islam, values, creativity, ideological stereotype.

For citation: Kazharova I.A. Pshikan Shekikhachev in his memoirs Khazesha Shogenov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 199-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222. EDN: LENHHL.

© Kazharova I.A., 2023

Об авторе воспоминаний

Подобно истории многих личностей, чьи имена прочно ассоциированы с первыми шагами адыгской литературы советского периода, история поэта и драматурга Пшикана Дзадзуевича Шекихачева фрагментарна, потому важна каждая деталь, способная ее дополнить, не говоря уже о развернутом повествовании, оставленном человеком, хорошо его знавшим. Публикуемые здесь воспоминания его близкого друга, Хазеши Исуфовича Шогенова, интересны тем, что в них запечатлен дореволюционный портрет Пшикана Шекихачева. Крупным планом показаны его убеждения, колоритный характер. События, в ходе которых предстает Пшикан Шекихачев, и некоторые имена дают внимательному читателю возможность судить об истоках его убеждений, духовных и интеллектуальных.

В описываемый Х. Шогеновым период он постоянно находился рядом с П. Шекихачевым. Ровесники и единомышленники (Х. Шогенов 1890 г. рождения, П. Шекихачев немного старше), они вместе постигали грамоту в примечетских школах Кабарды. Но, судя по всему, учение Пшикана началось гораздо раньше, чем Хазеши, поскольку второй называет себя учеником первого. В определенный момент оба оказались вынуждены покинуть родные места и скрываться в Дагестане, где, как и прежде, продолжали учиться. Свидетельство тесноты их общения улавливается в коротких комментариях к стихотворениям Шекихачева, которые Шогенов включает в текст воспоминаний. Так, самое, пожалуй, экспрессивное поэтическое произведение Шекихачева, «Песня о негодных сельских муллах», имеет такой комментарий: «Он сочинил это в 1913 году. Когда он сочинял, я был рядом. Записал Хазеша Шогенов». Подобное же в отношении стихотворения «Паук и муха»: «Он сочинил это в 1917 году, вслед за свержением царя. Записал Хазеша Шогенов, который был рядом».

Автор воспоминаний известен как один из первых советских педагогов, знаток и собиратель адыгского фольклора. Возвращаясь к былому, воскрешая образ Пшикана Шекихачева, о себе он особо не распространяется, разве лишь упоминает о том, что в его жизни период учебы завершился в январе 1918, когда ему пришлось войти в состав революционного штаба селения Верхний Акбаш. Между тем, в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований сохранилось личное дело Хазеши Шогенова, что дает возможность узнать о нем побольше. С институтом он сотрудничал на протяжении многих лет. С

1949 по 1960 гг. Х. Шогенов в составе фольклорной экспедиции объезжал аулы Адыгеи, Черкесии и Кабарды, а после выхода на пенсию был сторожем этого института.

Данные его автобиографии, личного листка и составленного А. Шортановым ходатайства о награждении Шогенова Почетной грамотой Президиума ВС КБАССР убеждают в том, что перед нами один из чудом уцелевших в годы репрессий представителей адыгской интеллигенции, чей духовно-интеллектуальный остов сформировался еще в дореволюционную пору.

Уроженец селения Верхний Курп (в те времена аул Исламово) Хазеша Шогенов свое образование начал в терских медресе (1914–1917 гг.), был близок к деятелям из числа исламских прогрессистов – Мажиду Фанзиеву и Хасану Эльбердову. Некоторое время он обучался в Дагестане. Как следует из воспоминаний, во время своего пребывания там он вместе с Пшиканом Шекихачевым посещал медресе в Мусалим-ауле и параллельно брал уроки у знаменитого дагестанского джадида Замира-Гали, в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск). После февральской революции он и Шекихачев возвращаются в Кабарду. В ту пору Шогенову 27. В годы гражданской смуты его симпатии на стороне большевиков, и в составе революционного отряда Б. Калмыкова (1918–1920 гг.) он борется за новый строй.

С момента установления советской власти и на протяжении многих лет Шогенов преподает в школах родной язык (1920–1948 гг.). Двадцатипятилетний период его учительства попутно захватывает и многое другое: учебу на рабфаке (1927–1930 гг.), председательство в правлении ТОЗа в селении Нижний Акбаш (1925–1927 гг.), руководство КОВ-ом, организацию колхоза в селении Верхний Курп и Нижний Акбаш. В 1934 г. его направляют в Кабардино-Балкарское национальное издательство, где до 1938 г. он редактирует учебники кабардинского языка. Повторим, все это Х. Шогенов совмещает с педагогической работой, которая до 1948 г. остается в его жизни самой главной.

В период Великой Отечественной, с 1942 по 1945, Шогенов, мобилизованный на трудовой фронт, оказывается на шахтах Донбасса и Кузбасса, в это время ему уже за пятьдесят.

В послевоенные годы, как пишет А. Шортанов, «с самого начала научных экспедиций по сбору и изданию нартского эпоса, тов. Шогенов Хазеша один из самых инициативных, научно-подготовленных участников всех полевых экспедиций. Шогенов показал себя исключительно талантливым фольклористом, бережно и с большим трудолюбием собирающим устнопоэтическое наследие кабардинского, черкесского и адыгейского народов.

*Справа налево: сотрудники КБНИИ М.М. Керимов, Х.И. Шогенов и сказители К.С. Агаржанов, А.Х. Унежев. Аул Бесленей, 18 сентября 1958 г.
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 25].*

За время его работы в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте им собрано более 100 авторских листов. Это – золотой фонд фольклора кабардинского народа». Красноречивым доказательством его успехов на педагогическом поприще приводится ряд имен, значимых в политической и культурной жизни республики: «Шогенов Хазеша учил тт. Мальбахова Т., Балкарова М., Канчалиева Т., Отарова Дж., поэта Шомахова А., заслуженного артиста РСФСР Шериева Азр. и многих других»... [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Отдел кадров. Личное дело Шогенова Хазеши Исуфовича. Д. 101. Л. 29–30].

В книге «Остров Гулаг» Александра Сарахова есть небольшой фрагмент, где сказано о Х. Шогенове. Складывается представление о человеке политически подкованном, с разносторонними знаниями, что были очень востребованы в бурных преобразованиях области периода 1920-30-х гг., но, главное – о его близком общении с творческими силами национальной литературы и образования. Из их числа здесь упоминается павший жертвой калмыковских репрессий поэт Мачраил Пшуноков, вместе с которым Х. Шогенову довелось работать в национальном издательстве. Автор книги передает слова Шогенова об опасениях М. Пшунокова мести со стороны супруги 1-го секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Антонины Калмыковой за то, что Пшуноков, в бытность свою председателем сельского совета, национализировал имение ее тогдашнего мужа, князя Таусултана Куденетова. Причем имя Шогенова появляется в книге в связи с допросом в 1956 г. (видимо, имевшим место в ходе специальной проверки Военной прокуратурой деятельности бывшего НКВД Кабардино-Балкарской республики):

«На допросе 18 апреля 1956 года Хазеша Исуфович Шогенов, в свое время окончивший все коммунистические курсы и вузы, один из организаторов товарищества по обработке земли в с. Н. Акбаш Терского района, бывший учитель, бывший работник национального издательства, бывший редактор по выпуску учебников, рассказал весьма любопытные подробности из жизни диктатора Калмыкова» [Сарахов 2004: 307].

Об исламском образовании Х. Шогенова здесь не упомянуто, но, надо полагать, оно и заложило фундамент его грамотности.

По тексту воспоминаний невозможно не заметить их с Шекихачевым одержимость учебой, заточенность на прогрессивные знания, хотя, наряду с этим, при каждой возможности Шогенов старается подчеркнуть незначительность того багажа, что давали медресе, да и вообще губительность всего, что связано с религией. Он пишет свои воспоминания в 1982 г. Этому предшествуют десятилетия планомерного вытравливания из общественной памяти религиозной составляющей. Враждебно-пренебрежительная интерпретация всего конфессионального в год появления воспоминаний все еще актуальна, и подобные высказывания объяснимы.

Как позволяют видеть биографические даты, Х. Шогенов поступает на рабфак, где получает специальность учителя, уже имея за спиной немалый педагогический опыт – семь лет работы в школах. Стало быть, образовательная база, полученная в медресе, все-таки подарила ему возможность успешно работать учителем в советской школе. Резонно добавить еще один штрих. Спустя годы, пусть неявно, но полученное Х. Шогеновым арабоязычное образование внесло свою лепту в реконструкцию З.М. Налоевым истории «восточного культурного канала», ведь, как указывает исследователь, ряд номеров газеты «Адыгский голос» (печатный орган «Баксанского культурного центра») был транслитерирован именно Х. Шогеновым [Адаб... 1991: 382]. Кроме того, Х. Шогенов в 1963 г. одним из первых пишет о Нури Цагове. Пишет с оглядкой на идеологические стандарты, но не скрывая огромной симпатии к этой личности. О своем взаимодействии с баксанским культурным центром он ничего не говорит, но о том, что оно было, догадаться несложно.

О некоторых неясностях в биографии Пшикана Шекихачева.

Даты. История убеждений

Считая необходимым прояснить отдельные моменты воспоминаний Х. Шогенова, мы коснемся прежде всего вопроса о дате и месте рождения П. Шекихачева. Дату Х. Шогенов не упоминает, ограничивается лишь местностью – селение Аргудан. Та же местность указана в копиях документов, переданных в свое время КБНИИ Комитетом госбезопасности при СМ КБАССР для исследовательской работы Екатерины Машитловой [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7], а также в ряде книжных и журнальных публикаций [Первые писатели... 1968: 53; Шортанов 1970: 67; Две смерти... 1988; Шакова 2003: 402]. В то же время А. Теуников [Теуников 1996], З. Налоев [Антология... 2010: 225] и авторы «Истории адыгской литературы» [История... 2010: 305] называют местом его рождения селение Абаево (ныне селение Урожайное КБР). В Книге памяти жертв политических репрессий указано селение Плановское Терского района КБР (до революции – аул Боташево) [Книга памяти... 2009: 512]. Разнобой наблюдается и в указании года рождения Пшикана Шекихачева. Здесь целых четыре версии: год 1889 [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7; Книга памяти... 2009: 512; Шакова 2003: 402], год 1879 [Талпа 1936: 10; Первые писатели... 1968; Антология... 2010: 225; Две смер-

ти... 1988], год 1869 [Шортанов 1970: 67], год 1878 [Очерки... 1965: 99; История... 2010: 305]. В этой разноголосице наиболее достоверными следует признать сведения, излагаемые журналистом А. Теуниковым, который опирается на информацию, полученную от младшей дочери писателя – Лели Пшикановны Шекихачевой.

По поводу места рождения отца она говорит, что он, действительно, родился в селе Абаево (ныне Урожайное), и это не должно подвергаться никакому сомнению. Село Аргудан стало фигурировать в его биографии постольку, поскольку Пшикан, спустя некоторое время после смерти отца, переехал туда с матерью, повторно вышедшей замуж [Теуников 1996].

Для нас же остается неясным, почему сам Шекихачев (согласно материалам, отраженным в «Книге памяти жертв политических репрессий») при допросе указал местом своего рождения Плановское.

Что касается даты рождения, то здесь дочь писателя больше склоняется к данным, зафиксированным при допросе: «... будем исходить из того, что уже зрелый мужчина, грамотный, образованный Шекихачев в последний раз упоминал о своем годе рождения при допросе после ареста 3 января 1937 года, и то, что его год рождения в точности был зафиксирован в протоколе, не вызывает сомнения. Учитывая эти моменты, годом рождения следует считать 1889, так как в высланных Военной коллегией Верховного Суда СССР на запрос Лели Пшикановны документах и нескольких справках других органов записано: «...на Шекихачева Пшикана Дзадзуевича – 1889 года рождения...». Леся Пшикановна, исходя из своего года рождения (1933), сторонница того, чтобы признать годом рождения отца именно 1889 г. Вполне допустимо и ближе к реальности, что у образованного человека младшая дочь родилась, когда ему было 44 года» [Теуников 1996].

Неустановленными остаются точная дата и обстоятельства смерти Пшикана Шекихачева. «В 1937 году его арестовали, умер он, находясь в заключении», – пишет Хазеша Шогенов, не касаясь версий о дате его кончины. Архивные данные, опубликованные в «Книге памяти...», содержат даты ареста, осуждения и реабилитации, а дата смерти не указана: «Арестован 3 января 1937 г. Обвинен по ст.ст. 58-11, 17-58-8 УК РСФСР. Постановлением Военной коллегии Верховного суда от 27 июля 1937 г. осужден к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Реабилитирован 9 августа 1957 г. АУД № 13-521-94, 3075-П.» [Книга памяти... 2009: 512]. Между тем, автор газетной статьи «Две смерти Пшикана Шекихачева» [Две смерти... 1988], а чуть позже и А. Теуников сосредотачивают внимание на существовании двух предполагаемых дат кончины писателя. Все известные детали, а именно – сведения, полученные семьей от некоей женщины, которая пришла в дом Шекихачевых на утро следующего дня после ареста, дата и обстоятельства смерти, указанные в документе, полученном по запросу урванским ЗАГСом, загадочные письма, приходившие семье Шекихачева из Украины – подводят к двум предполагаемым версиям – январь 1937 и январь 1939.

Как рассказывает его дочь, за Шекихачевым пришли ночью. Утром появилась какая-то женщина (имя не называется), сообщила об аресте Пшикана и пе-

редала матери записку: «отец написал, чтобы она не волновалась за себя и детей, поскольку они состоят в шариатском браке и документа о регистрации у них нет. Мать ждала, надеялась, что он вернется. На шестой день та же самая женщина сообщила о смерти Пшикана. Его застрелили...» [Две смерти... 1988]. Отсутствие регистрации брака Шекихачева не спасло от поражения в правах членов его семьи – супругу и детей выселили посреди зимы в том, в чем они были, не позволив даже взять ничего из вещей [Две смерти... 1988]. Здесь возникает вопрос: почему семью выселяют не летом, в июле, когда, если верить документам, был вынесен приговор, а в январе, на седьмой день после ареста?

В ходе дальнейших событий вопросы только множатся. Почему были похожи одно на другое те несколько писем, что получала семья в течение двух лет? «И вдруг однажды приходит с Украины, из Харькова, письмо от отца. За два года пришло пять или шесть таких синих бумажек: одинаковые, отпечатанные на машинке, без подписи. «Мои дети, школу не бросайте, учитесь. Я жив, здоров...» [Две смерти... 1988]. Почему эти письма отпечатаны на машинке? Даже если допустить, что писатель действительно был жив и у него была возможность воспользоваться печатной машинкой, то совершенно исключено, что он не мог не осознавать, как важно было его семье видеть, что письма написаны его рукой...

Вторая дата, 1939 г., указана в копии «документа, высланного в адрес Урванского ЗАГСа Военной Коллегией Верховного Суда СССР, где записано: «Зарегистрируйте смерть б-заключенного Шекихачева Пшикана Дзадзуевича, 1879 г. рождения, уроженца сел. Аргудан, КБАССР. Умер 14 января 1939 г. Причина смерти: паралич сердца. Свидетельство о смерти вручите его жене Шекихачевой Цуке Темимовне» [Теуников, 1996; Две смерти... 1988]. Однако в «Книге памяти...», как мы говорили, никаких сведений о дате и причине смерти П. Шекихачева нет, при том, что книга основана на архивных материалах УФСБ России по КБР. К сожалению, несовпадение тех данных, что были получены в 1950-60-х гг. родственниками жертв политических репрессий в ответ на ходатайства о реабилитации, и той информации, что спустя много лет была обнародована в мартирологах – не редкость. Так или иначе, крайняя дата, зафиксированная в большинстве литературоведческих работ – это дата расстрела, о которой стало известно семье Шекихачева вскоре после его ареста – 1937 г.

На момент ареста Пшикан Шекихачев «работал преподавателем кабардинского языка в Нальчикском педтехникуме и рабфаке» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7]. Речь идет о рабфаке Ленинского учебного городка. На последних страницах воспоминаний Х. Шогенов вкратце излагает историю появления Шекихачева в этом заведении. Дело в том, говорит он, что поначалу желающих обучаться в учебном городке было немного. Всеми силами необходимо было привлекать молодежь, и Б. Калмыков обратился к Пшикану, чтобы тот стал курсантом городка. «Калмыков рассчитывал на то, что крестьянская молодежь непременно потянется в заведение, в которое поступают арабоязычно образованные люди. И правда, благодаря агитации Пшикана привлекли много народу. Когда же курсантов набралось достаточно, Пшикан стал преподавать».

Нет сомнений, что среди молодых, прогрессивно настроенных мусульман Пшикан Шекихачев пользовался большим авторитетом. Он прошел двенадцатилетний путь обучения в медресе и был явным сторонником реформаторского направления, определившегося в исламе на рубеже XIX – XX столетий. По тексту воспоминаний немало тому подтверждений. Так, в стычках Шекихачева с муллами раскрывается его критическое отношение к исламским культам, особенно к утвердившимся «на местах» напластованиям псевдорелигиозных обычаев, которые рьяно отстаивались консерваторами. Не требует комментариев его открытый протест против схоластики, преобладавшей в кадимистских традициях конфессионального обучения.

Удивляться здравомыслию и эрудиции П. Шекихачева не приходится, поскольку уже на первых страницах воспоминаний говорится о том, что его наставником был Мажид Фанзиев – новометодник, а выражаясь конкретней, сторонник джадидизма. Три года обучения в Темир-Хан-Шуре, затем, недолго – в Бахчисарае и, наконец, учеба в Казани, дали Фанзиеву возможность массово обучать молодежь согласно джадидистским программам и вопреки негодования кадимитов [Эльбердов 1993: 354].

Как уточняет З. Налоев, Мажид Фанзиев отправляет Пшикана Шекихачева с рекомендательным письмом в Дагестан для учебы в новометодном медресе [Антология... 2010: 225]. Наверняка, таким и было медресе в Мусалим-ауле, куда направились молодые люди, поскольку вряд ли они не спросили совета того, к кому приехали, и у кого стали брать уроки параллельно учебе в упомянутом медресе. Бесценно, что благодаря воспоминаниям Х. Шогенова становится известно имя этого человека, друга Мажида Фанзиева, которому адресовалось письмо – Замир-Гали.

Дагестанский ученый-энциклопедист, просветитель и реформатор мусульманской школы Али Каяев (1878–1943), о котором идет речь, или Замир Али, – одна из самых значительных фигур в среде исламских прогрессистов Кавказа. Его образовательную историю детально описывает исследователь дагестанского джадидизма А. Р. Наврузов. Вкратце она такова. Традиционную в Дагестане 15-20-летнюю программу арабоязычного образования Али Каяев завершил в полсрока, а после был приглашен в Астрахань, где стал преподавать, параллельно продолжая углублять и собственные познания. В 1905 г. он отправляется в Каир для поступления в университет ал-Азхар. Как замечает исследователь, относительно этого периода биографии Али Каяева есть две версии. Согласно первой – в университет он не поступил, так как его не устроила программа обучения, однако в течение двух лет изучал труды восточных ученых в университетской библиотеке и одновременно преподавал арабский в одном из приуниверситетских медресе. Согласно второй – в университет Каяев поступил, окончил его экстерном, получил диплом и предложение преподавать там же курс арабского. К периоду пребывания в Каире относится также его личное знакомство с известным исламским реформатором Рашидом Рида (1865–1935), который приглашает Али Каяева к сотрудничеству в реформаторском журнале «ал-Манар». В 1908 г. Замир-Али отправляется в Стамбул с намерением изучить труды восточных ученых в тамошних просветительских центрах, однако,

обвиненный в радикальных взглядах, был вскоре арестован и выслан в Россию [Наврузов 2012: 180–181].

«Траектория» возвращения Али Каяева на родину примечательна и благотворна: «Вернувшись через Одессу на Кавказ, Али Каяев находит здесь широкое поле для просветительской деятельности. В селении Гунделен Терской области (ныне Кабардино-Балкария) он открывает медресе, где увлеченно работает с учениками. Здесь Али Каяев впервые на Кавказе реформировал систему мусульманского образования, переориентировав ее на изучение истории и светских наук – математики, истории, естествознания» [Наврузов 2012: 181].

Автор воспоминаний поясняет, что Мажид и Замир-Али сдружились со времен учебы в Египте: «Со времен их учебы в Египте они с Мажидом стали побратимами, и сейчас тот, о ком шла речь, проживал в Темир-Хан-Шуре, издавая газету на арабском языке. В Дагестане среди людей с арабским образованием не было ему равных» (перевод наш. – *И.К.* [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Л. 8]. Сведениями о том, что М. Фанзиев учился в Египте, мы не располагаем, но, безусловно, у двух этих деятелей было и так немало возможностей для близкого общения.

Газета, о которой упоминает Х. Шогенов, – это «Джаридат Дагистан» – главный печатный орган кавказских джадидов. Как подчеркивает А. Р. Наврузов, «Али Каяев становится фактически главным редактором этой газеты. Газета «Джаридат Дагистан выходила в 1913–1918 гг. и доставлялась по подписке [Наврузов 2012: 184]. Разумеется, среди многочисленных авторов публикаций в этой газете были и адыги.

Таким образом, сводя в единую картину мировоззренческие принципы, отстаиваемые в стычках с муллами, имена наставников, определивших его приверженность этим принципам, а также содержание его дореволюционного творчества, нетрудно удостовериться, что духовные и интеллектуальные установки Пшикана Шекихачева складывались под влиянием исламского реформаторства. Важно только не изыскивать в этой картине приметы атеистического мышления, как это стало привычно для адыгского литературоведения в отношении личности Пшикана Шекихачева [Первые... 1968: 53; Налоев 2009: 556; Антология... 2010: 225]. Ведь излишне доказывать, что всякая активность исламского реформаторства реализовывалась в границах конфессиональной культуры. Ревизия закосневших взглядов, расширение образовательной программы, введение так называемых светских дисциплин вовсе не предполагали отступления от веры и религии.

«Стоило завести с Пшиканом разговор о религии, его терпению приходил конец. Все, начиная с Аллаха, связанное с религией, претило ему, никакой веры, никакого бога. Религия для него – справедливость, дела, в которых нет вреда» (перевод наш. – *И.К.*) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Л. 3], – пишет Х. Шогенов, судя по всему, стараясь представить образ Шекихачева в самом выгодном с точки зрения коммунистической идеологии ракурсе.

Но если принять на веру атеизм Шекихачева, непременно встанет вопрос: а что заставило его служить муллой уже после окончательного установления в Кабарде советской власти? Если то была всего лишь проводимая под прикры-

тием ислама деятельность коммуниста-атеиста, почему мулльское прошлое Шекихачева послужило в 1935 г. основанием для «вычистки» его из партии?

Читая о причинах его привлечения в Ленинский учебный городок (февраль 1924 г.), важно для полноты картины понимать, что ислам был не просто частью дореволюционной биографии Шекихачева (арабоязычное образование), а занимал важное место в его настоящем. Как известно, пройдя в 1922 г. учительские курсы, Шекихачев преподает детям родной язык в селении Нижний Курп, но заметим: его педагогическая деятельность развивается параллельно с духовной – с 1919 по 1923 г. он служит муллой. Действительно, не внушать доверие крестьянской молодежи такая личность не могла.

Объясняя закрепившиеся в истории адыгской литературы трактовки личности и творчества Пшикана Шекихачева, мы не будем очередной раз напоминать о том, что обличение религиозного обскурантизма в дореволюционной поэзии Шекихачева вовсе не равнозначно атеизму, о покровительственном отношении, которое большевизм на первых порах выказывал к мусульманам российских окраин, и о метаморфозах, которые стали происходить в творчестве исламски образованных деятелей после укрепления советской власти и начавшихся гонений на религию. Обо всем этом уже говорилось [Кажарова 2021: 190–192; Кажарова 2014: 38–39].

Здесь мы хотим остановиться на другом моменте, акцентированном в описаниях жизни и творчества П. Шекихачева – это причина, по которой ему пришлось скрываться в Дагестане. Так, в «Очерках истории кабардинской литературы» (1965) З. Налоев пишет, что пребывание на родине стало для Шекихачева опасным после того, как он в 1913 г. сочинил произведение «Паук и муха». Наполненное революционным зарядом, «оно стало одним из тех, что вдохновляло на борьбу народные массы. Когда же песня обрела известность, представители господствующего класса стали враждовать с Шекихачевым. Он покидает свой край и до свержения самодержавия (1917 г.) находится в Дагестане» [Очерки... 1965: 100]. Эта же версия сохранена в современном издании – «История адыгской литературы» (2010).

Однако иная версия – в составленном Е. Машитловой сборнике «Первые писатели Кабарды» и журнальной статье А. Шортанова «Пшикан Шекихачев» [Шортанов 1970: 68]. Согласно ей, Шекихачеву пришлось покинуть Кабарду из-за последствий конфликта с обучавшим его хаджи. Попутно заметим, конфликт этот Е. Машитлова описывает со слов Хазеши Шогенова. Сначала Шекихачев, изгнанный из села, в котором проходил учебу (название села не упомянуто) перебирается в Боташево (Плановское), однако вскоре становится известно, что по жалобе, которую хаджи направил главному кадию, вынесено решение подвергнуть Шекихачева остракизму. В итоге, по совету и при помощи своего наставника М. Фанзиева, П. Шекихачев укрывается в Дагестане [Первые... 1968: 54]. О роковой роли в этой истории произведения «Паук и муха» Е. Машитлова не упоминает. Та же цепь событий, с незначительными дополнениями представлена и в статье Шортанова. О «Пауке и мухе» исследователь упоминает, но не как о причине гонений, а всего лишь как о произведении, которое П. Шекихачев сложил в революционные дни.

Теперь же, благодаря воспоминаниям Хазеши Шогенова, мы имеем возможность восстановить все подробности, связанные с этой историей.

Покинуть родные места П. Шекихачева, а вместе с ним и Х. Шогенова, действительно, вынудило решение кадия, к которому привел целый ряд обстоятельств. Свою роль сыграли и дерзкое поведение Шекихачева, и его творчество, и конфликт с хаджи (по тексту Шогенова это был эфенди Болат Гедгафов, а дело было в Муртазово).

Сразу скажем относительно творчества. Шогенов упоминает, что произведение, вызвавшее раздражение мулл – это песня, в которой Шекихачев высмеял мулльские злодеяния. И речь, конечно, не о «Пауке и мухе». Его Шогенов датирует 1917 г., и подтверждает верность своих сведений тем, что был рядом в те дни, когда слагалось произведение. Немного отступая от основной темы, заметим, что и без дополнительных подтверждений, а лишь исходя из содержания песни «Паук и муха», ее отнесенность к 1917 г. представляется более правдоподобной, нежели к 1913. Антитеза старого и нового мира, призывы к новому образу жизни и к единению сил всех жертв былых времен («Существование, что было у нас в прежние времена / Точно игра паука с мухой, / Игры пчел теперь нас ожидают, / Друзья мои, объединяйтесь!») (подстрочный перевод наш. – *И.К.*) – все это образные клише стихотворчества революционных лет. И, конечно, А. Шортанов не ошибался в датировке «Паука и мухи».

Теперь что касается шекихачевских песен, «посвященных» мулльскому мракобесию. До наших дней дошло две таких. Одна, «Песня о негодных сельских муллах», как указывает Шогенов, сочинена в 1913 г., другая – «Посвящается негодным муллам» – в 1915. Разумеется, недовольство Пшикана Шекихачева, которое излилось в самой беспощадной по меркам того времени форме – песне, ушедшей в народ, – возникло не на пустом месте. Х. Шогенов подробно описывает многократные стычки Шекихачева с муллами, которые ради собственной выгоды злоупотребляли простодушием безграмотных крестьян. Причем диалоги, которые передает Шогенов, интересны тем, что обнаруживают глубину проникновения Шекихачева в суть исламских законов и ритуалов, его прогрессистские убеждения. Характерно, что крестьяне, на защиту которых он становится, далеко не в восторге от его познаний и убеждений: «Крестьяне же, которых он так защищал, бранились с Пшиканом, принимая сторону муллы»... Упомянутые песни появляются после того, как Пшикан понимает, что одолеть в бесконечных спорах религиозную косность ему вряд ли суждено.

Насколько это следует из воспоминаний, Пшикан и Хазеша идут учениками к эфенди Болату Гедгафову, уже снискав репутацию смутьянов. Песни Пшикана к тому времени уже в народе. Надо отдать должное снисходительности эфенди Болата, который все же берется давать им уроки.

Ссора, которая случилась между эфенди и дерзким сохстой Пшиканом, в изданиях прошлых лет описана в самых мягких тонах. В воспоминаниях же она представлена, что называется, без купюр. Но похоже, что последней каплей, переполнившей терпение «правоверных мусульман», стало поведение самого Хазеши Шогенова, одарившего своего друга прозвищем «пророк». Предвидели они по-

добный исход или нет, но приятели шаг за шагом продвигались к решению, которое вынесет по их поводу главный кадий: привязать к столбу и забить камнями.

Путь к спасению, как уже известно, был найден при содействии любимого наставника, Мажиды Фанзиева. Скрывшись в Дагестане, они сумели спастись.

Портреты Пшикана Шекихачева

Немаловажно, что Х. Шогенов воскрешает образ молодого и дерзкого Пшикана Шекихачева. Дело в том, что иные описания запечатлевают его в годах более зрелых.

В статье, предваряющей материалы сборника «Первые писатели Кабарды», Аскерби Шортанов предполагает невероятную смелость в человеке, который так открыто выступал против мракобесия мулл, – это о дореволюционном творчестве Шекихачева. Однако ниже исследователь живописует облик того Пшикана, которого довелось застать ему самому:

«Пшикан Шекихачев был примечателен и своими манерами. Взгляд, вечно устремленный вниз. Он поднимал голову лишь изредка, и тогда казалось, вот-вот кинет он тебе какой-то намек или пожелание, но этот широкоплечий среднего роста мужчина лишь взглядывал на тебя сероватыми глазами, да и шел себе дальше. Шаггал он неспешно. По-медвежьки переваливаясь, без особых реакций или интереса к чему-либо. Сильно изборожденное годами, открытое его лицо с широкими скулами венчал высокий крупный лоб, – ни дать ни взять античный философ, вечно погруженный в свои думы. Пшикан был человеком очень спокойным. Даже если ты совершал что-то такое, что было ему не по душе, он не выходил из себя, да и сам не был способен нанести обиду. Единственно, приложит один палец к своему широкому носу, и проговорит: «Что ж Алеша (так он называл всех учеников), неужели нельзя было это выполнить поприлежней или как-то иначе?» – и на этом все» (перевод наш. – И.К.) [Первые... 1968: 18].

Тихий, замкнутый, невозмутимый и мягкий человек. Видимо, таким наблюдал его в годы своей учебы в Нальчикском педтехникуме Аскерби Шортанов.

Группа ученых и писателей, подготовивших первое академическое издание «Кабардинский фольклор». Сидят (слева направо): поэт и переводчик М.А. Зенкевич, профессор В.А. Дынник, директор КБНИИ А.К. Пшеноков, профессор Ю.М. Соколов, поэт и переводчик А.П. Глоба, председатель правления Союза писателей КБАССР Д.М. Налоев; стоят: писатель С.М. Кожаев, литературовед, фольклорист М.Е. Талпа, писатель П.Д. Шекихачев. (Фото из семейного архива Н.А. Пшеноковой)

Столь же кроткий Пшикан присутствует в автобиографическом рассказе Алима Кешокова:

«Пьеса, по которой поставили первый спектакль, «Коригот», была написана Пшиканом Шекихачевым, преподавателем адыгского языка. В день премьеры пожаловали все члены обкомовского актива во главе с самим Калмыковым. У входа в клуб играл оркестр, народ торопливо прибывал, ведь ожидалось увидеть нечто доселе небывалое. Культуре, устремившейся вперед, предстояло в этот день сделать важный шаг, вот чему радовались люди. Счастью Пшикана Шекихачева не было границ, он и сам был человек добрый, многое готов был стерпеть, лишь бы не обидеть человека, с каждым в общении был ласков, русских парней он звал Лешами. «А-а, юные Леша, куда путь держите? Леша, как поживает твой отец?» – с такой вот теплотой и общался. Спустя совсем немного после премьеры спектакля, глубокой ночью к нему в квартиру пожаловали три русских парня. Разбуженный посреди ночи, встревоженный мужчина открыл дверь и, завидев гостей в форме, завел их со словами: «А-а, Леша, это вы пожаловали?». Только понял он, что вовсе не в гости они пожаловали, но что тут поделаешь. Хоть и сложил он когда-то стихи, высмеивающие мулл, а пострадал за то, что образование свое получил в медресе» (перевод наш. – И.К.) [Кешоков 2006: 538–539].

Соотнося эти фрагменты с тем, что рассказывает о нем Хазеша Шогенов, невозможно не увидеть разительные перемены в нраве Пшикана Шекихачева: прямота, дерзость в дореволюционные годы и кротость в 1920–30-х, на фоне которых видят его Аскербий Шортанов и Алим Кешоков.

Так же, как очевидна разница между дерзким и кротким Шекихачевым, очевидна и граница, отделяющая его более раннее творчество от произведений 1930-х. И, надо полагать, период его молчания, о котором упоминает Джансох Налоев, успел вместить в себя немалые разочарования и болезненную ломку убеждений.

«Шекихачев в литературе не имел своего места до начала реконструктивного периода. Он был пассивен, молчалив и занимал какую-то выжидательную позицию.

Но, к счастью, мимо Шекихачева не прошли те социально-экономические и политические сдвиги, которые произошли в хозяйственной жизни Кабарды в первый период нэпа. Шекихачев творчески оживился в первые годы реконструкции. Он сделал резкий поворот в творчестве и очень ярко выразил свое отношение к действительности», – пишет Д. Налоев в статье «Поэты Кабарды и Балкарии» [Налоев 2004: 107].

В другой статье – «Литература Кабардино-Балкарии» – критик упоминает о том, как Пшикан Шекихачев ушел в молчание в период гражданской:

«Он старается, чтобы не выделялся голос его в момент наибольшего пробуждения и напряжения политических противоположных сил, начинает молчать. Правда, в дни гражданской войны, когда впервые на кабардинской земле раздался артиллерийский гром, он сел на коня и, «ярко блеснув шашкой», ушел в горы вместе с партизанами. Но жестокий «кровавый блеск» оружия в гражданской войне прошел мимо, не оставив никаких следов в творчестве Шекихачева. Он молчит, молчит продолжительно и, лишь в начале реконструктивного периода творчески пробуждается» [Налоев 2004: 128].

По словам критика, в период бурных социально-экономических и политических сдвигов Шекихачеву удастся благополучно освободиться «от религиоз-

ного угара», он забрасывает дореволюционную тематику и пишет «десятки прекрасных по своей художественной значимости и актуальности по теме стихов. Они имеют большое распространение, читаются и печатаются по всей Кабарде» [Налоев 2004: 108]. Сомневаться в том, что творчество Шекихачева периода утверждения нового строя было популярно, не приходится, тем более что коллективные сборники тех лет редко обходятся без его произведений. Так, его имя можно видеть на страницах изданий «Северный Кавказ» (1933), «Поэзия горцев Кавказа» (1934), «Новая сила» (1934), «Писатели Кабардино-Балкарии» (1935), «Литературно-художественный альманах» (1936).

В научном архиве ИГИ КБНЦ РАН хранится папка с перепечаткой произведений П. Шекихачева на 79 листах – результат скрупулезных поисков, проведенных в 1960-х гг. адыгским литературоведом Е.М. Машитловой. Лишь некоторые из этих произведений сопровождаются датировками. Х. Шогенов, дополнив свои воспоминания произведениями Шекихачева, указал даты и дал некоторые пояснения. Сообразно описываемому периоду биографии Шекихачева он привел тексты, которые тот сложил, условно говоря, до периода молчания. Уже это заставляет их воспринимать обособленно от всего остального.

Действительно, отличия сочинений, что предшествовали этому периоду, от тех, что появились после, хорошо заметны. И дело, конечно, не только в отходе автора от старых тем, и не в том, что его ранние произведения по форме «полностью воспроизводили канон фольклорной просодии», а новые большей частью ориентированы на литературность.

Ставя в один ряд «Песню о негодных сельских муллах», «Негодным муллам посвящается», «Паук и муха» и даже «Шар земной», а в другой – «Пионер», «Песню урожая», «Полотьба», «Кулак и колхоз», «Май» и многое другое, сложно не заметить, что на место эмоциональной и образной экспрессии заступает типовая для того времени констатация, построенная в форме стихотворения. Уловить за этой констатацией личность автора непросто. Шекихачева с его сатирическим напором здесь уже нет. Примечательно, что Михаил Талпа, который имел возможность судить о творчестве П. Шекихачева лишь по русскоязычным переводам, ясно видит эту разницу, и отдает предпочтение его ранним произведениям:

«П. Шекихачеву наиболее удаются сатирические произведения, особенно направленные против мулл (например, популярное «Паук и мухи»). В других случаях у Шекихачева обнаруживается некоторая отвлеченность, выпренность, затемняющая его стихи» [Талпа 1936: 10].

Не переходя сейчас к их обзору, отметим лишь, что среди немалого количества произведений, написанных П. Шекихачевым в 1930-х, явно выбивается из общего строя басня «Дамажуко и корноухий Медведь» («Дамэжьыкьбуэрэ Мьщэкьуагуэрэ», 1931).

О том, что в жанре басни П. Шекихачев не был новичком, и о том, насколько ему важно было донести до читателя смысл, который он вкладывал в свои аллегории, свидетельствует сочиненная еще в 1917 г. песня «Паук и муха». Тогда, во избежание смысловых разночтений, Шекихачев посчитал необ-

ходимым пояснить подтекст и без того красноречивой картины уничтожения наивной мухи коварным пауком, причем сделал это дважды: во вступлении и в финале произведения.

Ставшая уже привычной трактовка «Дамажуко и корноухого Медведя» принадлежит А. Шортанову, который акцентировал его фольклорную основу, распространенность сюжета.

«Происхождение «Дамажуко и корноухого Медведя» фольклорное, – говорит он. – Подобное есть у многих народов: как с неким парнем сдружился медведь, как на лоб уснувшего парня села муха и медведь пробовал ее согнать, а потом, желая ее прихлопнуть, схватил камень и убил парня. О таком у русских говорят «оказал медвежью услугу». И все же, надо отнести к заслугам Шекихачева его интерес к жанру басни, стремление познакомить с ней читателя» (Перевод наш. – *И.К.*) [Первые... 1968: 15].

Уточнение «и все же», видимо, подразумевает, что, помимо жанровой принадлежности, произведение особо ничем не примечательно. Действительно, П. Шекихачев без особых изменений перелагает басню И. А. Крылова «Пустынный и медведь» (творческое переложение Крыловым басни «Медведь и садовник» Жана де Лафонтена, который, как принято считать, вдохновился сюжетом древнеиндийской притчи). Но интересно почему П. Шекихачева вообще привлек этот сюжет. Что столь важного увидел в нем поэт, который писал исключительно «на злобу дня»?

Примечательно, что, в отличие от И. Крылова и вразрез собственным же принципам, ярко выраженным в «Пауке и мухе», П. Шекихачев никак не поясняет аллегорический подтекст произведения, не приводит никакой морали, он всего лишь излагает историю дружбы парня с медведем и ее трагический финал. Не исключено, что эта история, словно яркая иллюстрация, накладывалась на какие-то важные для него размышления. При этом в глазах читателя она выглядела вполне нейтрально, даже наивно.

Басня «Дамажуко и корноухий Медведь» появляется в 1931 г. К этому времени неоднозначность воплощения революционных идеалов, за которые когда-то боролся П. Шекихачев, стала неоспоримой явью. Товарищеская верность Дамажуко и Медведя выглядела вполне убедительно и привлекательно. Тем страшней и неожиданней короткая развязка, которая почти торжествующе констатирует гибель Дамажуко: «Бадзэм хуишэу треубыдэ, / Быдэу мывэр неунэтI, / Дамэжьыкьуэ и натIэр пхыреуд, / Куэдрэ жейхэм тхухегьыхьэ, / И гьащIэ Iыхьэр иухащ!» [Первые... 1968: 63]. «В муху целится, / Твердо камень направляет, / Пробивает лоб Дамажуко, / К тем, кто погружен в долгий сон, его общает, / Жизненный путь его закончен!» (Подстрочный перевод наш. – *И.К.*). И никаких дидактических «оправданий». Ни одной фразы, способной смягчить тягостный финал.

П. Шекихачев дает своему герою приметное имя – Дамажуко. Нетрудно уловить созвучие с легендарным Дамалеом, стало быть, с «мотивами» борющегося за свои права крестьянства и вероломного предательства. Герой, заведший дружбу с медведем в басне И. Крылова – пустынный. У Шекихачева это просто одинокий парень, проделавший долгий путь ради обособленной жизни. Да толь-

ко, – замечает автор, – что это за жизнь, оторванная от злободневных событий: «Къуажэ къуажэм уапэІэщІэу, / Я щІы кІапи утемыхъэу, / Іыхъэ гуэши ухэмытуэ / Ущытыным сыт игъащІэ?» [Первые... 1968: 62]. «Отдалившись от селений, / Не появляться даже на их окраине, / Не участвовать в дележе наделов / Что у такого за жительство?» (Подстрочный перевод наш. – И.К.). «Мужчина бесстрашный» Дамажуко понимает, что такое существование в одиночку невозможно, и отправляется на поиски друга. Мимоходом заметим, что в басне И. Крылова «мотивы» нахлынувшего на пустынного одиночества более сентиментальные.

Так или иначе, одинокому нужен товарищ, «а на кого можно набрести в том безлюдном лесу, если не на зверя?». Дамажуко П. Шекихачева, как и пустынный И. Крылова, натывается на медведя, кланяется ему, оба заверяют друг друга в вечной дружбе.

Упрочившееся между друзьями доверие не помешало произойти трагедии. Однажды жарким днем вздумалось им пройтись «по горам, по долам». Силы медведя и человека неравны, Дамажуко быстро утомился, стал отставать. Корноухий Медведь предлагает Дамажуко перевести дух, сам же берется охранять его покой: «Іэдэгъумыльэ тІэкІу зигъауэ, / Гукъеуэншэу зыгъэпсэху / УхуеихукІэ хэщхъэукъуэ, / КъакІуэ-накІуэр сэ си Іуэхуш» [Первые... 1968: 63]. «Ты приляг, / Отдыхай себе спокойно / Подремли, сколько пожелаешь, / Всякие посетители – моя забота» (Подстрочный перевод наш. – И.К.). Убаюканный этими словами Дамажуко уснул, а бдительный Медведь заступил на стражу. Итог этой истории известен. Пусть со стороны усердного Медведя это было безотчетно, но крах идиллии произошел в самый расцвет доверия Дамажуко своему товарищу.

Пытаясь заглянуть за характерное для национальных литератур той поры нагромождение идеологических стереотипов, надеюсь хотя бы отчасти уловить истинные настроения Пшикана Шекихачева, мы, наверное, сумеем немного приблизиться к истине лишь относительно двух или трех лет, предшествовавших его аресту. И увиденное окажется типичным для судеб многих представителей национальной культуры 1930-х гг.

В ряду адыгской интеллигенции того времени Пшикан Шекихачев фигура значимая и популярная. Он известен не только как педагог, но и творческая личность, эстетический опыт которой берут в расчет. Как заметил по этому поводу Джансох Налоев, он воспитал целую плеяду молодых авторов, в известной степени его влияние испытали даже поэты старшего поколения. Имя Пшикана Шекихачева связано со многими знаковыми событиями национальной культуры: он работает «в группе составителей орфографии и грамматики кабардинского языка» [Шакова 2003: 403], с успехом проявляет себя в жанре драматургии, участвует в работе над изданием «Кабардинский фольклор». В то же время он не может не знать, какая участь уже с середины 1920-х гг. постигает большинство из тех, кто, как и он, имел исламское образование, людей, что наравне с ним боролись за новые идеалы.

В 1935 г. ему припоминают исламское прошлое и как бывшего муллу исключают из партии.

В августе 1936 г. арестовывают Джансоха Налоева, его соавтора в первой редакции драмы «Коригот». Репрессивная политика еще ранее приведена в

действие и теперь набирает обороты. «В 1935 г. были разоблачены шовинисты А. Ульбашев, С. Отаров, С. Хочиев. В самое недавнее время изгнан из рядов Союза писателей разоблаченный троцкист Д. Налоев, более двух лет состоявший председателем областного правления СП и сознательно разваливавший работу» [Талпа 1936: 8] – констатирует во введении к «Литературно-художественному альманаху» (1936) Михаил Талпа, для которого участь жертвы также окажется неизбежной. С января 1937 г. список жертв из числа интеллигенции начнет пополняться особенно активно.

В газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 16 июня 1937 г. есть заметка «Тактика врага» за подписью неких Макоева и Огурлиева. Преподавателю, поэту и драматургу П. Шекихачеву в ней «посвящено» одно предложение: «Враг народа Шекихачев П. долгое время работал в нашем учебном заведении преподавателем» [Две смерти... 1988].

Всяческие комментарии о ценностном подтексте памяти, прокладывающей свои тропы сквозь хитросплетения обрывочных и не всегда достоверных сведений, будут избыточны. Воспоминания Хазеши Шогенова о Пшикане Шекихачеве представлены читателю впервые. Мы публикуем их с незначительными сокращениями, в переводе с кабардино-черкесского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адаб... 1991 – Адаб баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 440 с.

Антология... 2010 – Антология ранней адыгоязычной литературы / Сост. З.М. Налоев. (На каб.-черк.). – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 352 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Две смерти... 1988 – Две смерти Пшикана Шекихачева // Советская молодежь. – 1988. – 23 декабря.

История... 2010 – История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 490 с. (на каб.-черк. яз.).

Кажарова 2014 – Кажарова И.А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 176 с.

Кажарова 2021 – Кажарова И.А. Поиски мусульманского единства и особенности его литературного отражения // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 180-204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-180-204>

Книга памяти... 2009 – Книга памяти жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария 1920-1941 / Сост. Н.И. Лафишева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

Наврузов 2012 – Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. – М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240 с.

Налоев 2004 – Налоев Д.М. Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 225 с. (на каб.-черк. и русск. яз.).

Налоев 2009 – Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.

Очерки... 1965 – Очерки истории кабардинской литературы. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1965. – 350 с.

Первые... 1968 – Первые писатели Кабарды / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с. (на каб.-черк. яз.)

- Сарахов 2004 – *Сарахов А.А.* Остров ГУЛАГ. Документальная повесть. – Майкоп: ГУ-РИПП «Адыгея», 2004. – 356 с.
- Талпа 1936 – *Талпа М.Е.* Художественная литература Кабардино-Балкарии // Литературно-художественный альманах. – Нальчик, 1936. – 227 с.
- Теуников 1996 – *Теуников А.* Поэт, просветитель, драматург // Терек. 1996. 28 марта.
- Шакова 2003 – *Шакова М.К.* Шекихачев Пшикан Дзадзиевич // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 402-404.
- Шортанов 1970 – *Шортанов А.* Пшикан Шекихачев // Юащхъэмахуэ. – 1970. № 1. С. 67-69. (на каб.-черк. яз.)
- Эльбердов 1993 – *Эльбердов Х.У.* Воспоминания. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 416 с. (на каб.-черк. яз.).

REFERENCES

- Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya* [Adab Baksan cultural movement] / Sost. Z.M. Naloev. – Nalchik: El'brus, 1991. – 440 p. (In Russ.).
- Antologiya rannei adygoazychnoi literatury* [Anthology of early adygolanguage literature] / Sost. Z.M. Naloev. – Nalchik: KBIGI, 2010. – 352 p. (In Kabardin-Circassian)
- Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).
- Dve smerti Pshikana Shekikhacheva* [Two deaths of Pshikan Shekikhachev]. IN: *Sovetskaya molodezh'*. – 1988. December 23. (In Russ.).
- EL'BERDOV Kh.U. *Vospominaniya* [Memories]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 416 p. (In Kabardin-Circassian)
- Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 490 p. (In Kabardin-Circassian).
- KAZHAROVA I.A. *Kabardinskaya poeziya XX veka: aktualizatsiya ideala* [Kabardian poetry of the twentieth century: actualization of the ideal]. – Nalchik: ООО «Pечатnyi dvor», 2014. – 176 p. (In Russ.).
- KAZHAROVA I.A. *Poiski musul'manskogo edinstva i osobennosti ego literaturnogo otrazheniya* [The search for Muslim unity and particularities of its reflection in the literature]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No 2. – P. 180-204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-180-204> (In Russ.).
- Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. Kabardino-Balkariya 1920-1941* [Book of remembrance for the victims of political repressions. Kabardin-Balkaria 1920-1941] / Ed. by N.I. Lafisheva. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 552 p. (In Russ.).
- NALOEV D.M. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. – Nalchik: El'-Fa. 2004. – 225 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)
- NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Studies on the history of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russ.).
- NAVRUZOV A.R. «*Dzharidat Dagistan*» – *araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov* [«Jaridat Dagistan»: Arabic-speaking newspaper of Caucasian Jadids.]. – Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2012. – 240 p. (In Russ.).
- Ocherki istorii kabardinskoi literatury* [Essays on the history of Kabardian literature]. – Nalchik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1965. – 350 p. (In Russ.).
- SARAKHOV A.A. *Ostrov GULAG. Dokumental'naya povest'* [Gulag Island. A documentary story]. – Майкоп: Адыгея, 2004. – 356 p. (In Russ.).
- SHAKOVA M.K. *Shekikhachev Pshikan Dzadzuevich* [Shekikhachev Pshikan Dzadzuevich]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar'* [Writ-

ers of Kabardino-Balkaria. XIX – the end of the 80s of the XX century. Biobibliographical dictionary]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 402-404. (In Russ.).

SHORTANOV A. *Pshikan Shekikhachev*. IN: *Iuashchkh'emakhue*. – 1970. No 1. P. 67 – 69. (In Kabardin-Circassian)

TALPA M.E. *Khudozhestvennaya literatura Kabardino-Balkarii* [Fiction of Kabardino-Balkaria]. IN: *Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh* [Literary and artistic almanac]. – Nalchik, 1936. – 227 p. (In Russ.).

TEUNIKOV A. *Poet, prosvetitel', dramaturg* [Poet, educator, playwright]. IN: *Terek*. – 1996. March 28. (In Russ.).

Приложение

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПШИКАНЕ ШЕКИХАЧЕВЕ

Обучался Пшикан Шекихачев по арабским книгам. Был он глубоко сведущ в арабской истории и вообще преуспевал в арабоязычной книжности. Арабская литература, что изучалась в нашем крае, была религиозного содержания. Если точнее, вся она была о том, как совершать намаз, какие исцеляющие от недугов молитвы подходят для амулетов, как совершать погребальные обряды, и прочее. Сколько б лет ты ни учился и сколько б ни перечел книг, иных знаний из них не почерпнул бы. Все они были об одном – как, прикрываясь религией, обманывать и обирать людей. Но особо искусно безграмотных крестьян обманывали люди с поверхностным образованием, а те, что учились добросовестно и обладали глубокими познаниями, на такое способны не были, – совесть не позволила бы. О том, что те (недоучки – *И.К.*) не несли ничего, кроме вреда, убеждает хотя бы следующее. Единственные лекари, что были у нас ранее – муллы. Стоило кому-то заболеть, как срочно посылали к мулле, чтобы тот настроил молитву для амулета. Да только проку от этих записок муллы. Вот к примеру: хорошо помню, что если человека поражала острая боль в животе, жить ему оставалось от силы два-три дня. А ведь причиной был приступ аппендицита. Но никто не знал о такой болезни. Веди хирург их был наготове, сразу мчались к мулле и просили дать амулет. «Вот это повесьте больному на шею, а это погрузите в воду и дайте выпить!» – напутствовал он. Даже если у тебя особо ничего не болит, выживешь ли, принимая внутрь чернила? Аппендицит от этого только обострялся, и через недолгое время больной умирал. Таких примеров можно привести тысячи. Религией можно прикрыть любой обман. Это говорит о том, что религия состоит из обмана. Тот, кто намеревается замаскировать свою ложь религией, обычно ссылается на мир иной. Но вот что мне непонятно: каким же образом то, что не сумели постичь профессора и великие ученые, оказалось дано уразуметь тем, кто овладел лишь арабской азбукой?

Подобные вещи раздражали Пшикана Шекихачева, оттого с муллами он не ладил. Да и сами муллы, называвшие его «болтун Пшикан» терпеть его не могли.

Наставником Пшикана был Мажид Фанзиев. По уровню арабоязычного образования равных Мажиду в нашем крае не было. Именно он пробудил все, к чему был устремлен Пшикан. Можно сказать, что вся арабоязычно образован-

ная молодежь нашего края вдохновлялась религиозными идеями Мажиды Фанзиева и Пшикана Шекихачева. Эти двое были и моими учителями. Задолго до того, как началась моя учеба, еще с малолетства, я начал поститься, совершал намаз чаще, чем кто-либо в нашем селе. А уже будучи их учеником, вслушиваясь в их беседы, не мог не задумываться о том, что есть религия, где ее истоки, кто основоположники. Любой, кто находится во власти религии, понимает, о чем я, но размышлять об этом опасается.

Одна из причин, подтолкнувших Пшикана к ссоре с муллами – Коран.

– Коран был написан вовсе не для того, чтобы обеспечить умершему пропуск в «рай», он написан во имя жизни на земле. Коран – это своеобразная конституция религии, она составлена, чтобы люди жили в мире и согласии. От того, что будешь твердить написанное в книге, не оживят того, что подобно прошлогодней траве истлело в земле, и не отправят в тот край, что ты зовешь «жэнэт». «Жэнэт» в переводе с арабского значит «плодовый сад», – пояснял он. Помимо этого, Пшикан выступал против того, чтобы закят (одна десятая доля дохода), который крестьяне выделяли из своего урожая, отходил муллам: «Согласно установлениям, это имущество, предназначенное для содержания нуждающихся!» – говорил он.

– Мы прошли обучение, на путях религии мы вожаки, совершаем с ними молитвенное служение, проводим обряды над их усопшими, и его (закят – *И.К.*) мы получаем по праву! – возражали они ему.

– Служишь ты ради них, ведь ты их слуга, так вот и бери за это жалованье слуги, не надо получать жалованье из средств, предназначенных на содержания нуждающихся!

Он был категорически против деура и раздачи поминальной пищи.

– Когда кто-то умирает, вы подталкиваете даже тех, кто стеснен в средствах, влезть в долги ради деура, вы распределяете его и отправляетесь восвояси; и даже если на подворье всего-то одна-единственная корова, вынуждаете забить ее ради «поминальной пищи», и так обрекаете семью на голод, лишаете возможности хоть как-то прийти в себя, – ни умершему пользы, ни живым! – заявлял он. Раз уж на то пошло, ничего подобного в Коране не сказано, и сослаться вам не на что! – добавлял он.

А ведь и правда, в Коране написано иное, муллы же поступали по своей выгоде. Вот так и завязывались его ссоры с муллами.

Однажды он поссорился с хаджи-эфенди Болатом Гедгафовым:

– У Хасана нет ни проса, ни вола, ни коровы, а богаче тебя не сыскать во всем селе, он пошел батрачить, за что получил пол десятины урожая кукурузы, а ты позволил привезти к себе десятую часть урожая этого бедняка и выгрузить его в своем деревянном сарае! Да как же твоя религия позволяет тебе такое? Согласно религии, ты должен ему помогать, а не этот бедолага тебе! – высказался он. Пшикан никогда не соглашался с тем, что утверждали муллы. Крестьяне же, которых он так защищал, бранились с Пшиканом, принимая сторону муллы.

В 1916 г. Гедгафов Болат, о котором я упомянул, обучал Пшикана, а Пшикан обучал нас, группу молодых парней, было это в Муртазово. В один из дней

эфенди, уверовав в свои силы, давал урок Пшикану. Убежденный в том, что общает ему нечто очень важное, он рассказывал о Мекке и Медине. Пшикан, явно разочарованный тем, что тратит на это свое время, и не слишком вслушиваясь в слова эфенди, нетерпеливо перебил его:

– Послушай, эфенди, почему мы, вместо того, чтобы расходовать свое время на такие незначительные вещи, не можем прочитать литературу этого государства. Ведь Саудовская Аравия – тоже государство, почему бы нам не учиться по ее учебникам, будем хотя бы иметь представление о ее ремеслах, науке?

– Не зная о Мекке, не зная о Медине, о месте рождения пророка, будешь ли ты считаться мусульманином?! – рассердился мулла.

– Ну так Мекка – арабский город, никогда я в него не попаду, не увижу, нужду я хотел справлять в этой Мекке! – последовал ответ. (Простите, что употребляю здесь неприличное слово, но я бы хотел передать этот разговор в точности).

– Э! Да в этой вашей группке, как я посмотрю, вовсе и не мусульмане собрались, а ну вон из моего села! Буду я безбожник, если не пособлю тому, чтобы вас здесь прикончили! – выпалил мулла, вне себя от гнева.

– И что ж такого, если я сказал о нужде? Неужели жители Мекки справляют нужду за пределами своего города? – еще пуще озлился он мулле. Возросший под сенью религии, ярый поборник ее старый мулла подобного снести не мог. Оба вскочили, готовые уничтожить друг друга. Мулла ценой жизни готов был отстаивать религию, Пшикан же вскипал от того, что бесполезно потратил время.

Чтобы изучать арабские книги, имевшие хождение в нашем крае, надо было быть человеком глубоко религиозным и принимать на веру все байки, сочиненные арабскими писателями. Стоило завести с Пшиканом разговор о религии, его терпению приходил конец. Все, начиная с Аллаха, связанное с религией, претило ему, никакой веры, никакого бога. Религия для него – справедливость, дела, в которых нет вреда. Особенно ненавистно ему было то, что муллы, внушая неграмотным людям, что это угодно религии, объедали их без меры. Вот, к примеру, закят, раздача милостыни во время уразы, плата за распределение деура и тому подобное... Десятая часть урожая безоговорочно отходила муллам. Ритуал деур проводили ради покойного, и в качестве платы мулле причиталась десятая часть от суммы деура. Хотя от самого от него толку никакого не было. Но ввиду причитавшихся ему десяти процентов он усердно подталкивал родственников покойного к тому, чтобы сумма деура была как много больше. В пору сбора урожая кукурузы бедные крестьяне доставляли плетеный кузов кукурузы на двор мулле. Муллы старались все прибрать к своим рукам. Пшикан не мог молча наблюдать за всем этим и завязывался конфликт с муллами.

Не сумев одолеть мулл ни словом, ни силой, Пшикан сложил о них песню.

После того, как Пшикан сложил песню, те возненавидели его пуще прежнего, и стал он с той поры их заклятым врагом. И убить его не могли, и, оставая в живых, не могли изыскать средства против него, вот так и тянулось, когда, как я сообщил выше, эфенди Болат погнал нас из своего села: «Если не исчезнете сейчас же, прикажу вас избить!». То было время господства религии, и

если б тебя заподозрили в неверности ей, убили бы, твердо веруя в то, что совершили благодеяние.

Однажды случилось так, что один придурковатый старичок совершенно неожиданно возник возле нас в тот момент, когда я окликнул Пшикана прозвищем «пророк». Уверенный, что выслужит этим великую признательность, старик тотчас же помчался к эфенди Болату, доложил ему, и оказался я в числе недругов. Итогом всего стало письмо, направленное кадию: «Пшикан и Хазеша веротступники, они не признают ислама, а потому просим найти на них управу!». Копию письма отправили моему отцу. Имевший кое-какое арабоязычное образование мой отец, не в меру фанатичный религиозник, и так был готов убить каждого, кто позволит себе хотя бы малейшее посягательство на религию.

Кадий вынес решение привязать нас к столбу и забить камнями. Согласно законам шариата, человека, отступившего от ислама, привязывали к столбу и побивали камнями до смерти.

Перепугались мы с Пшиканом не на шутку. Совершенно растерянные отправились за советом к Мажиду Фанзиеву:

– Такие наши дела, как же быть? – говорим.

– Клянусь Аллахом, свою гибель вы заслужили, надо бы вас убить! Чего ж вы не следите за своим языком? Ведь не такое сейчас время! – задал он нам взбучку, но потом, поостыв, добавил: «Тайком покиньте наши места!».

– Куда же нам податься?

– Отправляйтесь в Дагестан! Там живет мой друг, к нему и поезжайте!

Со времен их учебы в Египте они с Мажидом стали побратимами, и сейчас тот, о ком шла речь, проживал в Темир-Хан-Шуре, издавая газету на арабском языке. В Дагестане среди людей с арабским образованием не было ему равных. Мажид написал письмо на его имя, с этим мы и двинулись в путь. Сесть на поезд здесь мы не рискнули, пересекли сначала реку Терек, отчалив на пароме из Хапцея. На поезд сели уже в станции Черноярской, и отправились в Темир-Хан-Шуру. Разыскав тамошнюю типографию, повстречали и того, к кому ехали. Передали ему письмо, и были приняты очень радушно. Правда, у нас не было средств на проживание в городе, потому мы поселились в расположенном неподалеку селении Мусалим-аул и пошли учиться в местное медресе. Являлись в город к Замиру-Гали (так звали человека, к которому мы приехали), он обучал нас, а затем мы возвращались в село (все описываемое было в 1916 г.). Наступил 1917 г., а следом и февральская революция, свергнувшая монархию. Повсюду были волнения, и поначалу было неясно, чего ждать, но вскоре собрались вооруженные черными кинжалами дагестанские кумыки, разогнали студентов городского реального училища, и, объявив: «Отныне это будет мусульманское училище!» – стянули сюда всех своих сохст. Вот повезло так повезло, получим мы теперь образование в учебном заведении, – решили мы с Пшиканом, да и замешались в ряды местных сохст. Так, в суматохе, проучились мы дней 15, потом дело дошло до экзаменов, по итогам которых нас должны были распределить по группам. Когда подошел наш черед, стали нами интересоваться:

– Кто вы, откуда?

– Мы кабардинцы, прибыли из Кабарды.

– Мы не сможем вас принять, поскольку наши учащиеся будут обучаться за счет наших же средств, а кто оплатит ваше обучение? Однако, если сможете платить за себя, мы вас примем.

В карманах наших могла водиться разве только вошь, откуда б мы раздобыли денег? Долго мы их убеждали, да все понапрасну. Оказались мы не у дел.

– У вас в Нальчике тоже есть подобное училище. Оно также преобразовано в мусульманское, и вместо того, чтобы спорить с нами и терять время, возвращались бы вы к себе, чтобы своевременно туда зачислиться! – отделались они от нас. Как быть? Вернемся – нас убьют, останемся – податься некуда. Но выхода нет, решили вернуться. Сойдя с поезда в Черноярской, мы потихоньку перебрались через Терек и прибыли в село Абаево (ныне село Урожайное Терского района КБР. – *И.К.*). Разузнали обстановку, оказалось, что за свержением самодержавия ничего особенного не последовало: училище, что в Нальчике, действует как и прежде, народ мечется, не зная, каким путем пойти, а до нас уже никому нет дела. Так, в ожидании перемен, свершилась Октябрьская революция, власть перешла в руки народа. И мы с Пшиканом остались целы и невредимы. В конце января 1918 г. в селении Верхний Акбаш организовали революционный штаб. В него должно было войти по одному представителю от каждого селения, и поскольку я был противником религии, меня направили туда, в шутку назвав «большевиком», на том и завершилась история моей учебы.

В 1917 г. Пшикан, особо нигде не приживаясь, все силы бросил на то, чтобы привлечь простой народ на сторону новой власти. С того года старания и большевистские настроения Пшикана стали для всех очевидны. Тогда же он сочинил песню «Паук и муха» об отношениях дворян и крестьян. Если вдуматься, сравнения, которые он нашел, чтобы их изобразить, очень интересны. Пережитое нами в прошлом напоминает игру паука с мухой – сказано о том, как князья и дворяне, сами не трудясь, эксплуатировали крестьян. Слова «теперь мы будем играть в игры пчел, собирайтесь же, друзья» о том, что теперь мы будем работать дружно и пожинать плоды своего труда. Среди пчел нет лодырей, одна не пытается обобрать другую, каждая из них старается принести и приумножить все, что ей по силам, прогоняют они тех, кто не трудится. Он сложил песню о том, что мучителей в лице князей и дворян над нами уже нет, и все мы будем жить, пожиная плоды своего труда.

В том же духе и его песня «Шар земной», сложенная в 1918 г. В тот год у имущего сословия отбирали земельные наделы и отдавали их крестьянам. «Деяниями, достойными порицания, избалованные, они сообща захватывают сосок материнской груди» – сказано необычно. Это о дворянском сословии, владевшем землями. «Деяниями, что достойны порицания, избалованные» – значит обласканные самодержавием. «Сообща захватывают сосок материнской груди» – подразумевает, что захватывают лучшие наделы. «Тех потомков, что помладше, не подпуская, себе все урывают» – значит не допускают, чтобы землями владели те, кого они и за людей-то не считают.

Еще задолго до 1917 года Пшикан предвидел, что мир сильно изменится. В 1915–16 годах он утверждал, что в названиях сел не будут упоминаться фами-

лии князей, что все переменится. А мы тогда смеялись, все допытывались: и как же переменится?

– Где-то назовут по имени реки, где-то по имени горы, где-то по имени леса, и земли и реки будут принадлежать всем поровну, и будут все дружно трудиться.

– Да разве такое возможно? Ведь даже дети одной матери не всегда ладят между собой? Он с нами не соглашался: среди детей одной матери нельзя выделять кого-то одного, все люди будут хорошо относиться друг к другу, будут жить в согласии. Пшикан не приветствовал раболепного отношения к дворянскому сословию, он говорил, что нет у них фундамента, и, если мы, простой люд, сплотимся, то лишим их основания, и власть перейдет к нам. Он постоянно задевал мулл, князей и дворян, кадетов. Будь это в его силах, наверное, никого из них не пощадил бы. Князья и дворяне были его кровными врагами, потому и готов он был их уничтожить. (...)

Родом Пшикан был из Аргудана, там он и появился на свет. (...) Трагедия заставила семью Пшикана покинуть Аргудан и поселиться в Абаево, у родственников со стороны отца. В 1919 году отряд бандита Шкуро, пытавшийся пересечь реку Терек у селения Абаево, встретил сопротивление, Каншао, старший брат Пшикана, был убит в той схватке на берегу Терека.

В 1924 году, когда в Нальчике был организован Учебный Городок, желающих обучаться в нем оказалось немного, поскольку народ был запуган слухами, которые распространяли враги новой власти. Дабы привлечь туда людей, Калмыков обратился к Пшикану, и тот стал курсантом городка. Калмыков рассчитывал на то, что крестьянская молодежь непременно потянется в заведение, в которое поступают арабоязычно образованные люди. И правда, благодаря агитации Пшикана привлекли много народу. Когда же курсантов набралось достаточно, Пшикан стал преподавать. В 1937 году его арестовали, умер он, находясь в заключении.

Воспоминания написаны Хазешей Шогеновым. 15/3 – 1982 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Лл. 1-14] (Перевод с кабардино-черкесского наш. – *И.К.*)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.